

Чжуан Ян взял кисть, показал Цюаньцзы, как её держать, и передал ему. Цюаньцзы принял, но пальцы не слушались, не знали, как ухватиться. Чжуан Ян подвинулся, поправил. Цюаньцзы уловил лёгкий запах, исходивший от его одежды, но тут же собрался, внимая указаниям.

Дни текли незаметно, домашняя живность в хозяйстве Цюаньцзы подрастала и множилась. Первыми расплодились кролики — ещё до осени принесли выводок голых, розоватых крольчат. Матушка Лю малышей забрала, а Цюаньцзы из старой ватной одежды гнездо им смастерил. Дальше уж матушка за ними ухаживала. Каждый день подносила крольчат к матери покормиться, а потом обратно уносила — чтоб мать случайно не задавила или, не дай бог, не съела. С тех пор как крольчиха окотилась, кормили её отменно — соей потчевали, чтобы молоко было.

К осени овца двух ягнят принесла — одного белого, другого чёрного, потому что баран-то чёрный был. Белая овца с чёрным да белым ягнёнком — забавно смотреть. Чжуан Лань частенько навевалась, травкой их подкармливала. Даже хотела у Цюаньцзы белого ягнёнка купить, но А-Пин отговорил: «Денёк-другой повоозишься, а потом лень станет на выпас выводить — с голоду подохнет». Чжуан Лань тогда отступилась.

Свинья шестерых поросят окотила, но поскольку на вольном выпасе была, Цюаньцзы не сразу заметил. Что до кабаньей доблести — её никто и не видел; неизвестно, какой пройдоха-секач из глухого леса отметился. Дикие кабаны в деревне Чжу редкость, значит, издалека пожаловал.

Свиноматка с выводком землю рыла, под корнями пищу ища, — так за домом всё изрыли. Цюаньцзы понял, что всех не прокормит. Одного поросёнка соседу-старика Чуню продал, одного себе оставил, остальных же на телеге того же старика Чуня в лавку семьи У на продажу отвёз.

Настоящее нежданное богатство.

Белая, теперь уже мамаша, в яме лежала, корешки грызла, а рядом поросёнок пристроился, ушами лениво похлопывал, похрюкивал — вылитая Белая в молодости.

Глубокой осенью юный Цюаньцзы, облачённый в поношенную осеннюю одежду Чжуан Яна, сновал туда-сюда. Свиней-кроликов кормил, поле полел, сети вязал, рыбу чистил. Порой останавливался, поглядывал на усадьбу Чжуанов — иногда мелькала вдаль фигура Чжуан Яна.

А чуть свет, едва петухи кричали, Чжуан Ян просыпался, накидывал одежду, выходил на деревянную галерею — и всякий раз видел, как Цюаньцзы во дворе с мечом упражняется.

С осеннего листопада до зимнего снегопада, а там и до весеннего цветенья.

Так, с галереи, Чжуан Ян и наблюдал. Год за годом. Видел, как тощий мальчишка превращался в рослого, крепкого юношу.

Том второй

Послеполуденная Финиковая роща. Тени деревьев длинные, переплелись.

На опушке — трое всадников на трёх конях. Тени людей и коней слились воедино, будто чёрный зверь к земле припал.

Позади них — толпа сельчан, галдящая, к роще близко не сующаяся.

— Сколько воров?

Старина Дуань нахмурился, спрашивая деревенского старейшину. Тот медлил с ответом, а кругом уже галдёж поднялся: кто говорил — двое, кто — трое.

— Учитель, в Финиковую рощу одна дорога ведёт, другая — горная тропа, крутая. Воры, поди, ещё в роще.

Когда в волости Фэн жил, Лю Хун в Финиковой роще часто играл — места эти знал.

— Что ж, отлично. Ци Цзи, со мной. А-Хун, остаешься.

Старина Дуань с напарником в чащу рванули, скрылись меж густой листвы.

Лю Хун с коня спрыгнул, длинный меч на плече взвалил, окинул взглядом толпу с коромыслами да мотыгами. Кто-то крикнул: «Да это же Цюаньцзы!»

Толпа зашептала, загудела. Кто спрашивал: «Кто?» Кто пояснял: «Племянник Дуна разве не?» Нашлись и такие, что громко призывали: «Дун Су! Иди сюда, глянь — Цюаньцзы ли?» Дун Су, чем громче звали, тем глубже в толпу прятался. Остался он таким же тучным да неповоротливым, в рост не потянулся — точно перезрелая тыква.

— Молодые с оружием, выходите.

На пересуды сельчан Лю Хун внимания не обратил. Голос его громко прозвучал, толпа стихла.

— Помогите рощу окружить, а я учителю в поимке воров подсоблю.

Не успел Лю Хун договорить, как двое-трое парней выступили вперёд, а за ними и другие подтянулись. В руках у них мотыги да серпы — всё же лучше, чем у баб со своими поварёшками да скалками.

— Цюаньцзы, мы с тобой в рощу пойдём!

Мужик с ножом вперёд вышел, а с ним трое подростков. Лю Хун узнал в нём сына мясника из деревни Дун — в детстве ещё дрались.

— Хотите помочь — у входа оставайтесь, сторожите.

Словно приказ отдавая, бросил Лю Хун, на коня вскочил и под всеобщими взглядами к роще направился.

В волости Фэн воры объявились — корову украли да человека убили. Население их в Финиковую рощу загнало. Ловить, естественно, дело Дуаня-погонщика, вот его и вызвали, а тот двух помощников прихватил.

Лю Хун в рощу вошёл, прислушался. Ни стычки, ни конского топота. Понял — воры затаились, сумерек ждут.

Дошёл до глухого места, увидел старый, запущенный канал. Наклонился, заглянул. Воды на дне — кот наплакал, каменная кладка во многих местах обрушилась.

Никого не обнаружив, Лю Хун на меч хуаньшоу оперся, медленно выпрямляться начал. Не успел во весь рост встать, как сзади шорох — и здоровяк из зарослей выскакивает, на него с

секирой насаждает. Лю Хун уклониться не успел, так в канал и кубарем скатился. Быстро на ноги вскочил, а над ним уже секира заносится. Лю Хун, не сробев, мечом отбил. Лязг! Старый меч хуаньшоу переломился, обломок лезвия по руке Лю Хуна скользнул — кровь проступила. Болью Лю Хун пренебрёг. Стоит он в канаве, а конокрад над ним — глаза в глаза. На ворище одна набедренная повязка, торс голый, босой, борода в колтунах. Либо нищий последний, либо беглый раб — такая сволочь и своей жизни не дорожит, и чужую за соломой почитает. Лю Хун на обвалившуюся кладку наступил, на противоположный берег прыгнул. Повезло — успел. А тот уж камень поднимает, в канал швырнуть норовит. Проманулся — сквернословить начал. Лю Хун за спину рукой потянулся, лук снял. Увидел вор лук — и давай Бог ноги! Легок, как пух, вмиг далеко откатился. Лю Хун тетиву натянул, уголок губ чуть дрогнул. Красный деревянный лук изогнулся — стрела полетела. Почти одновременно впереди «ай!» раздалось.

— Бежал бы — не стрелял бы.

Лю Хун лук за спину закинул, сломанный меч на плечо взвалил, к злодею подошёл.

— Ай-ай-ай!

Вор на землю плюхнулся, за стрелой в бедре ухватился, голосит.

Лю Хун с пояса верёвку снял, руки-ноги скручивать начал. Вор, естественно, сопротивлялся, дёргался, сквернословил грязно и обильно. Лю Хун хоть бы что.

— Меч мне сломал. Будешь смиренным — легче будет.

Скрутив вора вожжами, Лю Хун обломок клинка перед его носом поводит. Взгляд у Лю Хуна ледяным стал, убийственным. Хотя так, для острастки.

— А-Хун!

Старина Дуань на коне подоспел — видно, шум услышал, поспешил, за ученика опасаясь.

— Учитель.

Лю Хун поднялся, довольная улыбка на лице. Трофей свой показал — на связанного вора пальцем ткнул. Только тут в нём юношу разглядеть можно было.

Старина Дуань похвалил: «Молодец, парень! Уже у учителя хлеб отбивать начал!»

Поднял тучного вора, как цыплёнка, и через седло перекинул, лицом вниз. Вор на коне шевелился, гусеницей извивался, да что поделаешь.

— Учитель, остальных взяли?

— Одного. Ци Ци стережёт.

Учитель с учеником на конях, второго вора при себе, из рощи выехали. Допытывались — оказалось, их всего двое, третьего не было. Старина Дуань их в уездную тюрьму сдал, награду получил — дело ясное.

Лю Хун деньгами пазуху набил, на коня окорок да кувшин вина подвесил — от сельских старейшин благодарность. Домой не поскакал сразу, а к озеру Фэн в волости Фэн завернул. Остановился у старого деревянного дома, вино с мясом на дверной косяк подцепил. Развернул коня, поскакал по траве, что лошади по колено, — домой, в деревню Чжу. До заката успел.

<http://bllate.org/book/15945/1425624>